
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

КУЛЬТУРА, ЭНЕРГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ВСЕЛЕННОЙ: КОСМОЛОГИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА Э.В. ИЛЬЕНКОВА

**П.И. Федотова, кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)**

На примере космологической гипотезы о роли человеческого разума в эволюции Вселенной советского философа Э.В. Ильенкова показано зарождение проблематики нового направления современной науки – глобального эволюционизма.

Ключевые слова: глобальная история, универсальный эволюционизм, космология, эволюция Вселенной

CULTURE, ENERGY AND EVOLUTION OF THE UNIVERSE: COSMOLOGICAL HYPOTHESIS E.V. ILYENKOV

P.I. Fedotova. Saint-Petersburg state technological institute (technical university)

In the submitted article the author refers to the theoretical heritage of outstanding Russian philosopher, psychologist and teacher of the twentieth century E.V. Ilyenkov. Namely, the author refers to his cosmological hypothesis about the role of human mind in the evolution of the Universe, which Ilyenkov outlined in «Cosmology of the spirit».

Keywords: global history, universal evolutionism, cosmology, evolution of the Universe

Конец XX в. был ознаменован качественным скачком в развитии мировой исторической науки. Накопление эмпирического материала в различных областях научного знания потребовало перехода к новому уровню обобщения. В ответ на эту назревшую потребность в 80–90-е гг. XX в. возникло новое научное направление – глобальная история, целью которого стало изучение прошлого как единого целого. В зарубежной науке это направление, которое постепенно превращается в особую научную дисциплину, получило также название «Большой истории» или «универсального эволюционизма».

В чем отличие «глобальной истории» от традиционной?

Во-первых, в стремлении преодолеть ограниченные рамки национальных «историй». Сегодня стало очевидным, что адекватное понимание истории отдельных народов и государств немыслимо вне контекста всей мировой истории. Как говорил в свое время известный французский историк Марк Блок: «Единственно подлинная история – это всемирная история» [1, с. 29].

Во-вторых, глобальная история ставит задачу рассмотреть человеческую историю в контексте общей эволюции Вселенной. Ведь история возникновения и развития биологического вида *Homo sapiens* неотделима от эволюции всего органического мира. В свою очередь, эволюция биоты – лишь часть истории развития земного шара, которая представляет собой этап в эволюции Солнечной системы. Но возникновение и угасание звездных систем – лишь часть эволюции Вселенной. Таким образом, история одного биологического вида оказывается частью все более расширяющегося целого: от планеты до Мегагалактики. Следовательно, для того, чтобы понять сущность жизни, человека и интеллекта, необходим масштаб целой Вселенной. По удачной формулировке профессора

Амстердамского университета Фреда Спира, глобальная история – это попытка «как бы с высоты птичьего полета обозреть всю известную историю от возникновения Вселенной до современной жизни на Земле» [2, с. 152].

В силу поставленных задач, творцами глобальной истории наряду с собственно историками выступают ученые самых разных областей знания: биологи, астрофизики, антропологи, экономисты, социологи, философы, культурологи. По сути, в рамках этой дисциплины происходит масштабный синтез всего накопленного современной наукой знания как гуманитарного, так и естественного. История начинает теснить философию в качестве «царицы наук»: к ней переходит функция обобщения научного знания, которая традиционно считалась прерогативой философии.

Становление глобальной истории в зарубежной историографии намного опережает отечественную науку. В ряде университетов мира уже читаются учебные курсы по глобальной истории. Например, в университете Маккоури (Сидней, Австралия) такой курс под названием «Введение в мировую историю» читается с 1989 г. [3, с. 144]. Аналогичный обобщающий курс космической, планетарной и человеческой истории преподается в Амстердамском университете (только рассчитан он не на 13 недель, как у австралийских коллег, а на несколько лет) [2, с. 152]. Проводятся международные конференции, посвященные проблемам глобальной истории, как, например, XIX Международный конгресс исторических наук в Осло, состоявшийся в августе 2000 г. [4]. Появляются фундаментальные работы, такие как «Ружья, микробы и сталь» (1997) американского биолога и этнолога Джареда Даймонда или «Взлет и падение великих держав» (1988) американского историка Пола Кеннеди.

К сожалению, отечественная наука пока не может предъявить в этой области ничего равноценного. Проблемы глобальной истории время от времени обсуждаются в ряде журналов и сборников, но касаются либо сугубо методологических вопросов, либо представляют собой перевод или пересказ зарубежных наработок по данной тематике. На этом фоне едва ли не единственное исключение составляет монография «Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры» известного психолога, профессора Московского университета А.П. Назаретяна [5].

Такая ситуация тем более прискорбна, что с методологической точки зрения глобальная история представляет собой реализацию тех принципов, которые в отечественной традиции давно известны под именем «диалектики». И хотя в современной западной традиции термин «диалектика» не используется, а заменяется понятиями «холистский подход», «системный подход», «комплексный подход», «структурно-комплексный подход», по существу это одно и то же. Парадоксально, но глобальная история с ее универсализмом возникла в западной науке, где в XX в. преобладала позитивистская методология. Тогда как у нас, где понятие диалектики использовали во всех науках, глобальная история остается малоизвестной даже научному сообществу, не говоря уже о широкой публике. Сколь далеко на обочине научного прогресса мы оказались.... Когда западная историография в 80–90 гг. совершала качественный рывок, официальная отечественная гуманитаристика опускалась, ориентируясь на концепции, от которых в западной науке уже отказывались серьезные умы.

Но так было не всегда. Удивительно, но факт: проблемы, которые сегодня становятся предметом обсуждения наинovelейших научных направлений, поднимались в отечественной мысли еще в 50-е гг. XX в. Но тогда им не дали хода. А ведь именно советская наука могла бы стать зачинателем глобальной истории.

В советской философии попытка поднять вопрос о роли человеческой культуры и интеллекта в общей эволюции Вселенной связана с творчеством Эвальда Васильевича Ильенкова (1924–1979). Ильенков вошел в историю науки как выдающийся философ, ученый с мировым именем, основоположник целого научного направления – так называемой «школы Ильенкова». Как отмечали современники, у Ильенкова «было много ипостасей: философ, культуролог, психолог, экономист, педагог, этик, эстетик и т.д.» [6, с. 69]. Его идеи

оказали влияние не только на развитие отечественной философии, психологии и педагогики, но и на большое количество читателей и слушателей, не принадлежащих к числу профессиональных ученых. В 50–70-е гг. Ильенков был духовным центром широкого круга московской интеллигенции, куда входили многие крупные философы, публицисты, психологи, культурологи, представители естественных наук.

Гипотезу о роли мыслящей материи в эволюции Вселенной Ильенков изложил в одной из самых первых своих работ – «Космология духа», написанной в начале 50-х гг. Судьба этой небольшой работы весьма показательна, при жизни автора она так и не была опубликована. По свидетельству близкого друга и ученика Ильенкова, доктора философских наук Сергея Мареева, попытка опубликовать ее после смерти Эвальда Васильевича в числе его избранных работ не увенчалась успехом – ответственный редактор пропустить ее не захотел [7, с. 175]. Она увидела свет лишь спустя почти десять лет после смерти автора: сначала в журнале «Наука и религия» (1988, № 8, 9), а затем в сборнике «Философия и культура» (1991).

Удивительно и то, что работа, в которой предвосхищена проблематика целого научного направления, была написана молодым человеком, тогда еще мало кому известным московским аспирантом. Но за плечами у Ильенкова к тому времени была уже целая жизнь: не только учеба в МИФЛИ, эвакуация, военное училище, но и фронтовой опыт. В звании младшего лейтенанта он попал на фронт и в качестве командира артиллерийского расчета участвовал в освобождении Белоруссии, дошел до Берлина. Как писал один из его биографов, «вчерашний московский школьник», в 19 лет увидевший смертную казнь через повешение, «в свои 22 г. уже знал, что такое тяжелая, полуголодная эвакуация, штурм Кенигсберга и взятие Берлина» [8, с. 9].

Но, конечно, не только жизненная и духовная зрелость помогли молодому ученому сразу взяться за такие проблемы, к которым медленно и осторожно наука приближалась еще полстолетия. Дух эпохи, дух первооткрывателей «страны ученых и страны поэтов», как пелось в известной песне, а также широта интересов способствовали его научной интуиции. Внук русского священника, сын сталинского лауреата, с обликом европейского интеллектуала 50–60-х гг., Эвальд Васильевич был человеком разносторонне одаренным. Знаток и ценитель классической музыки, он пробовал себя и как художник-график, и как литератор [9, с. 5–6]. Его литературный талант, как полагают, унаследованный от отца, крупного писателя сталинской эпохи, ярко проявился в философских работах, некоторые из которых читаются как художественные произведения. (Его отец, Василий Павлович Ильенков, за роман «Большая дорога» (1949) был награжден Сталинской премией за 1950 г.).

Стоит отметить одно любопытное совпадение. Примерно в те же годы, когда молодой московский аспирант размышлял о космической миссии человечества, аналогичный круг проблем культуры, энергии и эволюции стал предметом исследования крупнейшего американского культуролога, основоположника неэволюционизма Лесли Уайта (1900–1975). Оба они были учеными левых убеждений. Оба, опираясь на марксистскую традицию, преодолевали ее ограниченность и выходили на более широкую дорогу культурно-исторического анализа. Оба за свои научные и политические взгляды подвергались административному давлению и остракизму со стороны профессионального сообщества. Но какая разница в результатах! Внимание Лесли Уайта обращено в прошлое, взгляд Ильенкова обращен в будущее; один пытается объяснить то, что было, другой – понять то, что будет. «Энергия и эволюция культуры» Уайта – выдержанный в объективистском духе и терминологически строгий научный труд. «Космология духа» Ильенкова – вдохновенное научно-философское эссе.

Хотя, казалось бы, в своих рассуждениях Ильенков отпрямляется от тех же исходных положений, что и Лесли Уайт. Он исходит из того, что судьбы человеческого духа и человеческой культуры обусловлены законами более широких космических процессов. Эти идущие в масштабах Вселенной процессы описываются вторым началом термодинамики, согласно которому Вселенную ожидает, так называемая, «тепловая смерть».

Все известные науке небесные тела и системы тел постепенно – через излучение – утрачивают запасы своей внутренней энергии. Звезды безвозвратно рассеивают свою энергию в окружающее их межмировое пространство. Настанет время, когда разница температур исчезнет, звезды остынут, и обледенелая Вселенная придет в совершенно неподвижное состояние. Постепенно остынет и Солнце, истощатся запасы тепла на планете, исчезнет органическая жизнь, и Земля – мертвый, остывший шар наподобие Луны – будет кружить в глубоком мраке по все более коротким орбитам, пока не упадет на такое же умершее Солнце. Следовательно, где-то во мраке грядущего человечество прекратит свое существование, и «вечный поток движения Вселенной смоем и сотрет все следы человеческой культуры» [10, с. 421, 423].

О такой перспективе упоминал в своей работе «Энергия и эволюция культуры» и Л. Уайт. Окончательное уничтожение человеческого рода – лишь вопрос времени. Рано или поздно это неизбежно произойдет. Но «космосу нет дела до того, что создал человек на этой крошечной планете». Уничтожение человеческого рода «будет далеко не первым случаем, когда тот или иной вид полностью вымирает. Это уже не станет событием в жизни нашей планеты». Надежду на то, что цивилизация, «таким трудом и с такими издержками созданная, просто не может уничтожиться, потому что такой конец был бы слишком ужасен и лишен смысла», Уайт называл «наивной антропоцентрической болтовней» [11, с. 462, 463].

Вот этот «бессмысленный» с точки зрения строгой науки конец человечества и подвергается сомнению Ильенковым. Действительно ли человеческая цивилизация не играет никакой роли во Вселенной? И разумная форма организации материи должна бесцельно и бессмысленно погибнуть? Получается, что разум – случайный эпизод в жизни Вселенной, а человечество с его цивилизацией – всего лишь подобие плесени на остывающей планете. Однако тезис о случайности и бесцельности разума противоречит общему закономерному строю Вселенной. Ведь разумная форма организации материи стоит в одном ряду с такими формами, как механическая, физическая, химическая и биологическая. Каждая из них занимает свое место в мировом взаимодействии, выступая в качестве необходимого звена и ступени для другой, более высокой формы. Без механической формы невозможна физическая, без физической – химическая, без химической – биологическая, а без биологии был бы невозможен человек и присущая ему социокультурная форма существования. Таким образом, каждая форма закономерна и необходима, каждая имеет свое назначение. И только высшая, разумная форма оказывается эволюционным тупиком, не являясь основанием для более высоких форм. Вряд ли такая роль – бесплодного пустоцвета, обреченного погибнуть под ледяным дыханием Вселенной, соответствует высшей форме организации материи. Высшая форма, по мысли Ильенкова, не может быть самой бесплодной и ненужной из всех [12, с. 431, 432].

Гораздо больше оснований предположить, что мыслящая материя играет какую-то важную роль в процессе развития Вселенной. Роль, соответствующую высоте и сложности ее организации. А именно, благодаря ей, полагает Ильенков, как раз и осуществляется накопление и плодотворное использование энергии, излучаемой звездами.

Ведь было бы совершенной нелепостью, если бы человечество – уже сейчас овладевающее внутриядерными запасами энергии – через миллионы лет оказалось бы беспомощным перед лицом недостатка тепла. То, что энергия Солнца иссякнет – это бесспорно. Но человечество чем дальше, тем больше перестает быть игрушкой внешних обстоятельств. Его могущество возрастает. Оно находит новые и все более совершенные способы освобождать запасы энергии, накопленные и в других формах, кроме прямого солнечного излучения. По-видимому, – полагает Ильенков, – человечество в силах будет создать хотя бы в небольшой части пространства искусственную среду и поддерживать ее уже без природной энергии Солнца [10, с. 424].

Однако создание такой среды не может остановить общий процесс деградации Вселенной. И здесь Ильенков выдвигает свое главное предположение относительно вселенской роли мыслящей материи. Не есть ли разум, который накапливается в виде

материальной культуры, в виде технических средств преобразования мертвой материи, то самое недостающее звено космической эволюции, которое призвано возродить умирающую Вселенную?

Материальная и духовная культура мыслящих существ, которая осуществляется в природе очень редко и требует для своего появления чрезвычайно специфических условий – не оказывается ли она той формой, в которой происходит концентрированное накопление излучаемого солнцами тепла? Тепла, которое по другим каналам растрачивается бесплодно, и только в этой форме может вновь использоваться как средство огненного возрождения замерзающих участков большой Вселенной.

С точки зрения современной физики такое предположение вовсе не выглядит невероятным. Ведь чем мельче искусственно разрушаемая структура, тем большие запасы энергии высвобождаются при ее разрушении. Чем мельче и проще материальная структура, тем прочнее ее внутренние связи, тем труднее ее разрушить, но тем больше энергии высвобождается при ее разрушении.

Технологический прогресс свидетельствует, что человек идет к цепному разрушению все более простых, а тем самым все более прочных структур материи, высвобождая при этом все большее и большее количество связанной в них энергии. И перспектива, по мысли Ильенкова, теоретически такова: «Если бы удалось разрушить бесконечно малую структурную единицу материи, то взамен получилось бы пропорционально бесконечное количество высвободившейся при этом энергии – количество, которого достаточно для того, чтобы разрушить и превратить в раскаленные пары бесконечно большую массу остывшей материи».

Реально это представляется так: человечество в какой-то, очень высокой, точке своего развития, когда Вселенная остывает и близка к состоянию «тепловой смерти», сознательно начинает обратный процесс – процесс превращения умирающих, замерзающих миров в огненно-раскаленный ураган рождающейся туманности. Мыслящий дух при этом жертвует собой, но его самопожертвование совершается во имя долга перед матерью-природой. Когда-то природа породила мыслящий дух. Теперь, наоборот, мыслящий дух ценой своего существования возвращает Матери-природе, умирающей «тепловой смертью», новую огненную юность. Вселенная снова начнет новый цикл развития, который когда-нибудь вновь, в другой точке времени и пространства, приведет снова к рождению из ее остывающих недр человеческого разума.

Таким образом, человек как мыслящая материя выступает как то самое звено космического круговорота, посредством которого осуществляется «омоложение» Вселенной и начинается новый цикл ее развития. Следовательно, его появление в русле мирового круговорота – вовсе не случайность, а внутренне полагаемое условие существования самой Вселенной [10, с. 431–434].

Смерть мыслящего духа становится его бессмертием, подлинно творческим актом, превращающим обледенелые пустыни погруженных во мрак межмировых пространств в массы раскаленных, светлых, теплых солнечных миров, которые становятся колыбелями новой жизни, нового расцвета мыслящего духа, бессмертного, как сама материя. И когда-то вновь – в бесконечно далеком будущем – новые существа, в которых природа разовьет мыслящий дух, будут, как и мы ныне, созерцать сверкающие над небом их Земли звездные миры...

В сознании огромности своей роли в системе мироздания человек найдет высокое ощущение своего предназначения. Его деятельность наполнится новым смыслом и новым пафосом, перед которым меркнет ложный пафос религий. Это будет пафос истины, пафос истинного сознания своей объективной роли в системе мироздания [10, с. 435–436].

В своем наброске Ильенков неоднократно повторяет, что нарисованная им картина – всего лишь гипотеза (или, по его собственному определению – «философско-поэтическая фантазмагория»). Но эта гипотеза опирается на всю совокупность известных науке фактов и теоретических представлений. Она отводит мыслящему духу такую роль в ходе всеобщего

круговорота мироздания, которая гораздо больше соответствует его месту на лестнице развития, чем представление, согласно которому все развитие материальной и духовной культуры ведет к нулевому результату, к простой гибели, не оставляющей никакого следа. Мыслящий дух – не пустоцвет на древе мироздания. Он одновременно и следствие существования материи, и необходимое условие ее существования. Человек и создаваемая им культура как совокупность технических и духовных сил есть необходимое условие воссоздания Вселенной. В этой грандиозной созидательной деятельности и заключается объективная роль мыслящей материи во Вселенной.

Сложно сказать, как могла быть воспринята «Космология духа», появившись она в свое время, в атмосфере 50-х гг., накануне запуска первого спутника и начала космической эры. Когда же она дошла до читательской аудитории – спустя тридцать пять лет после написания и почти десять лет после смерти автора – на дворе стояли иные времена: перестройка, продуктовые талоны, разгул кооперативно-ларечной стихии... Ее публикация прошла почти незамеченной и не стала событием интеллектуальной жизни. Два-три кратких отклика в печати, позднее – публикации С. Мареева [7, 9], – и всё. Одни отмечали ее «необычайность» в нашей философской науке [12, с. 19], другие, наоборот, подчеркивали ее укорененность в традиции русского космизма [9, с. 28]. Кто-то усмотрел в ней несоответствие канонам строгой науки и стал рьяно опровергать, высказав ряд критических замечаний физического и философского характера [13, с. 5–7]. Хотя, как отмечал в предисловии к первой публикации ильенковской статьи профессор Г.Н. Волков, «Космология духа» не претендует на строго научную разработку проблемы. Это гипотеза, «захватывающая воображение и волнующая» [14, с. 4].

«Философом космического века» назвал Ильенкова летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Виталий Севастьянов [12, с. 19]. С еще большим основанием Ильенкова можно назвать философом «поколения победителей», чьим жертвенным подвигом была спасена и восстановлена из руин страна и проложена дорога в космос. Ильенков принадлежал к поколению Александра Матросова и Зои Космодемьянской: он родился в один год с Ульяной Громовой и Любовью Шевцовой, был на год младше Зои Космодемьянской и на год старше Сергея Тюленина, а с А. Матросовым они родились не только в один год, но даже в один месяц. Поэтому «Космология духа» – это не только прозрение о будущем. В меньшей степени в ней нашла выражение общественная психология того времени – столь присущий эпохе дух самопожертвования во имя общего дела, самосожжения ради жизни будущих поколений. Этот духовный накал жертвенности был столь велик, что в чуткой душе философа-поэта превратился в гигантскую фантазмагорию космического масштаба.

Стоит только пожалеть, что «Космология духа» так поздно дошла до читателя. Появившись она в свое время, те советские поколения, которые впервые в истории Земли совершили рывок в космос, обрели бы и грандиозную перспективу, и дополнительные импульсы для своей деятельности. Когда же творческая энергия этих поколений иссякла и сменилась усталостью, закончилась и земная жизнь философа Ильенкова. А жизнь космическая – кто знает? В чьих сердцах пробудит энергию действия вдохновенное слово философа-поэта...

Литература

1. Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.
2. Спир Ф. Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // *Общ. науки и современность*. 1999. № 5.
3. Кристиан Д. К обоснованию «Большой (Универсальной) истории» // *ОНС*. 2001. № 2.
4. Хачатурян В.М. Возможна ли глобальная история // *Цивилизации*. Вып. 5: *Проблемы глобалистики и глобальной истории*. М.: Наука, 2002. С. 223–238.
5. *Цивилизации: акад. сб.* М.: Наука, 2002.

6. Водолазов Г.Г. Ильенков как проблема // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: книга-диалог. М., 1997.
7. Мареев С.Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. М., 1997.
8. Новохатько А.Г. Феномен Ильенкова // Филос. и культура. М.: Политиздат, 1991.
9. Мареев С.Н. Э.В. Ильенков. М.: ИКЦ «МарТ», 2005.
10. Ильенков Э.В. Космология духа // Филос. и культура. М.: Политиздат, 1991.
11. Уайт Л. Энергия и эволюция культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Универ. книга, 1997.
12. Севастьянов В.И. Философ космического века // Наука и религия. 1988. № 9.
13. Барашенков В. Судьбы Вселенной. О философской гипотезе Эвальда Васильевича Ильенкова // Наука и религия. 1988. № 10.
14. Волков Г.Н. Предисловие к «Космологии духа» // Наука и религия. 1988. № 8.